

В. А. Кисель

ОБРАЗ КАЙГАЛА В ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ (ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЪЮНКТУРА)

А Н Н О Т А Ц И Я. Кража крупного рогатого скота — типичное занятие мужчин в традиционной культуре Тувы. Такие воры назывались кайгалами, или смельчаками. Обычно скотокрадством занимались молодые неженатые мужчины. Исследователи Тувы конца XVIII — начала XX в. неоднократно отмечали редкое умение и профессиональные навыки кайгалов. Кайгалы действовали на свой страх и риск, не ставя в известность ни глав кланов, ни старейшин. Их набеги совершались на соседние народы, недружественные тувинские родоплеменные группы, а также на выделившихся исключительным богатством соплеменников. Скотокрады редко прибегали к открытой агрессии с человеческими жертвами. Набеги кайгалов нельзя смешивать с обычным воровством — *оорлаашкын*, или с кражей-возмездием — *туткууш*. *Оорлаашкын* преследовал экономические цели, а *туткууш* регулировал социальные и этнические конфликты. Главным устремлением кайгалов было усиление личного авторитета. По этой причине они обычно раздавали добытый скот бедным соплеменникам. Кража крупного рогатого скота у большинства тувинцев не считалась кражей, а воспринималась как перераспределение накопленной собственности. Образ кайгала сформировался в виде романтического защитника бедных. Затем в ходе революционных преобразований он превратился в борца против феодальной системы и маньчжурских завоевателей. Со временем поменялась цель походов тувинцев за скотом. Они стали совершаться для обогащения. Поэтому образ кайгала начал утрачивать характерные черты. В настоящее время он ассоциируется с вором, специализирующимся на краже скота.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тува, тувинская культура, скотокрады, образ кайгала

УДК 394.94(=512.156)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-153-161

КИСЕЛЬ ВЛАДИМИР АНТОНИЕВИЧ — к.и.н., старший хранитель, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: kisel@kunstkamera.ru

Похищение скота — типичное мужское занятие в традиционной культуре тувинцев. Таких похитителей называли кайгалами, то есть удалцами или смельчаками. Обычно скотокрадством занимались молодые неженатые мужчины. Но встречались и взрослые профессионалы, которые, как и молодежь, не были полноправными общинниками и часто входили в число маргиналов.

Широта распространения угонов скота в Туве поражала многих наблюдателей. Порой путешественникам и исследователям казалось, что воровство — одна из наиболее характерных черт тувинского менталитета. Так, В. В. Радлов отмечал: «У всех своих соседей сойоны [тувинцы. — В. К.] пользуются дурной славой: их считают вероломными, мстительными и ворами» (Радлов 1989: 491). Согласно А. В. Адрианову, «воровство до такой степени укоренилось в нравах этого народа, что составляет предмет похвальбы и гордости, если совершено удачно; по мнению народа, оно совсем не есть преступление и составляет одно из самых обычных занятий громадного большинства населения» (цит по: Яковлев 1900: 74). Сходный отзыв оставил и А. М. Африканов: «В некоторых родах — сумо — урянхов [тувинцев. — В. К.] страсть к краже вошла, так сказать, в плоть и кровь, и ловкая, дерзкая кража является молодечеством, а не позорным делом...» (Африканов 2007: 115). Такое мнение, сложившееся у представителей других культур, подтверждает фольклор тувинцев, в котором имеется множество песен и легенд о кайгалах (Курбатский 2001: 247–248). А само обозначение удалцов-скотокрадов вошло в тувинскую антропонию, воплотившись в именах *Кайгал* и *Кайгал-оол*.

Вместе с тем далеко не во всей Туве был распространен институт похитителей скота. Многие родоплеменные группы его не знали. П. Е. Островских указывал, что «западные урянхи — воры отчаянные, тогда как на востоке — тоджинцы, кажется, и не представляют себе, что можно присвоить чужое» (Яковлев 1900: 75). Это противоположное отношение к собственности, видимо, следует объяснять различием хозяйственно-культурных типов. Западные тувинцы — степные скотоводы — имели развитый производящий (экстенсивный) тип, а тоджинцы — таежные охотники-оленоводы — ранний производящий, при котором отсутствовали явное имущественное расслоение и частнособственническая система ценностей.

В трудах по Туве конца XVIII — начала XX в. неоднократно описывались большая хитрость и редкие навыки, выказывавшиеся тувинцами в процессе скотокрадства. Уровень мастерства был так высок, что создавалось впечатление о невозможности противостоять этим кражам (Кон 1936: 23; Катанов 2007: 543). «Урянх, как вор, обладает значительной энергией и ловкостью...» — констатировал А. М. Африканов (2007: 115).

По сведениям более чем столетней давности, наиболее часто угоны скота совершались в середине–конце осени, когда замерзает верхний слой земли — *кара доңдак* (Яковлев 1900: 76).¹ К набегу готовились основательно: продумывали маршрут, изучали пути отхода, запасались продуктами. В припасы входила консервированная пища и полуфабрикаты: сушеный творог — *курут*, мука из жареного ячменя, пшеницы или проса — *далган*, *тараа*, масло — *саржаг*, высушенное и истолченное мясо — *далган эът*, копченое мясо — *ыштаар эът*. Применялись и специальные стимулирующие средства: панты — *сын мыйызы*, хвост самки марала — *мыйгак кудуруу*, кровяная плазма. Их употребляли в сушеном виде. Использовалась также коленная чашечка животного — *довук*, которую сосали, чтобы притупить чувство голода (Даржа 2009: 275, 284–285, 294–295).

Отряды похитителей были немногочисленны: от 1 до 20 человек. Обычно набеги совершались на районы, отдаленные от родных мест. Открытые нападения происходили редко. Как правило,

¹ Современные тувинские скотокрады, промышляющие в Монголии, Хакасии и на Алтае, тоже предпочитают этот период. Правда, временные рамки расширились: с конца лета по начало зимы.

Рис. 1. «Кайгал». 2005 г. Автор Х. Б. Донгак. Агальматолит, резьба

кайгалы вели себя скрытно, перемещаясь по ночам, а днем отсиживаясь в укромных местах. Порой они вступали во взаимовыгодные соглашения с соседями хозяина табуна или стада, намеченного к угону. Благодаря этому скотокрады получали нужные сведения, способствовавшие краже, а также необходимую помощь на обратном пути. Похитители обладали большим терпением, долго выжидая удобного момента. Иногда кайгал проникал внутрь табуна и скрывался там значительное время, изучая обстановку и распорядок жизни табунщиков и сторожей.² Возвращение с похищенным скотом происходило уже без особой осторожности, теперь главную роль играли скорость и обманные приемы, облегчавшие уход от погони. Особенно часто это случалось при угоне лошадей. Нередко из-за бешеной и продолжительной скачки погибала большая часть табуна. Такое расточительное отношение к добыче позволяло выявить самых выносливых и быстрых особей, что заменяло тщательную селекцию (В. К. Даржа — устное сообщение).

Кайгалы действовали на свой страх и риск, не ставя в известность ни глав кланов, ни старейшин. Их набеги совершались на соседние народы, недружественные родоплеменные группы, а также на выделяющихся богатством соплеменников. Скотокрады редко прибегали к открытой агрессии с человеческими жертвами. Если было невозможно избежать насилия, то они ограничивались побоями и связыванием пастухов или хозяина.

Похищения скота кайгалами нельзя смешивать с обычным воровством — *оорлаашкын*, или с кражей-возмездием — *туткууш*.³ *Оорлаашкын* преследовал экономические цели, а *туткууш* регулировал социальные и этнические конфликты. Главным же стремлением кайгалов было не преумножить собственное имущество или наказать обидчика, а усилить личный авторитет в родной общине, повысить свой социальный статус.⁴ Именно поэтому они чаще всего раздавали добытый скот бедным соплеменникам. Нередко при распределении похищенного срабатывали установки престижной экономики, широко распространенные в Саяно-Алтае (Потапов 2001: 116–123; Бутанаев,

² В какой-то степени кражу облегчало отсутствие у кочевников практики стреноживания лошадей — вынужденной меры из-за частых нападений волков (Бондарев 2008: 127).

³ *Туткууш* не являлся исключительно тувинской традицией. Известны аналогичные обычаи у казахов — *барымта/баранта* и у туркмен — *чапаул*.

⁴ Например, в конце XIX в. прославились кайгалы Калга-бижээчи и Симес Майынды, ставшие крупными тувинскими чиновниками (Африканов 2007: 115).

Монгуш 2005: 42–46). В Туве они были известны в виде обычая *ужа*, характеризующегося тем, что «находка, убитая добыча (кроме пушнины), добыча воровского промысла составляют принадлежность лица или лиц, затративших известную долю труда. Но если случайный встречный или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет “южа”, то добыча поступает или целиком, или значительной частью в пользование этого случайного встречного» (Яковлев 1900: 66).

Институт тувинских кайгалов не был уникальным явлением. Аналогии отыскиваются у многих народов мира. В этих культурах скотокрадство считалось не только лихим поступком, но и подвигом (Путешествия... 1894: 46; Аверкиева 1974: 312–313; Левшин 1996: 328; Карпов 1996: 118–119; Ботяков 2002: 29, 58–59, 62–63, 78; 2004: 38; Хазанов 2008: 186; Стукалин 2008: 416, 418–420, 451–452, 454–455, 459–460; Хедин 2010: 476–477; Балдаев 2013: 203, 223; Бравина 2014: 113; Попова 2014: 156). Судя по письменным источникам, традиция набега к соседям за добычей была хорошо известна и древним кочевникам (Скифы 1992: 142, 218, 223, 245, 251). Во всех случаях основными похитителями выступали молодые люди. Скотокрадство служило им подготовкой для будущих военных действий и являлось своеобразной инициацией. Очевидно, молодежные набеги следует отнести к универсалиям обществ, находящихся на стадии военной демократии.⁵

Похищение скота у большинства тувинцев, особенно бедных слоев населения, не ассоциировалось с кражей, а воспринималось как перераспределение накопленной собственности. Согласно традиционным взглядам, иноплеменники не попадали под действие обычного права. Поэтому угон скота у них не мог привести к наказанию или осуждению. Имущество же чрезмерно богатых сородичей считалось несправедливым, нажитым вопреки традиционным нормам и обычаям. Оно не должно было принадлежать одному человеку. Как писал Е. К. Яковлев, «сойот не может быть голоден, если рядом другой сыт, в период голодовок богачам приходится голодать так же, как и беднякам, так как если один заколол барана, то идут есть его все» (Яковлев 1900: 77). Таким образом, кайгалы, похищая скот у богатых, восстанавливали социальную гармонию (Грум-Гржимайло 1930: 624–625; Мышлявцев 2001; 2002: 15). Это создавало образ степных «робин гудов» — защитников бедноты.

Изначально в кочевых обществах присвоение имущества соседей было одним из видов хозяйственной деятельности и не считалось подсудным. Однако в период централизации власти в Степи, особенно во времена Чингисхана, в тюрко-монгольском мире началось активное преследование воровства. За кражу скота следовало рассечение вора пополам (Ковалевский 1956: 138). С распадом империи Чингисхана, очевидно, произошло возвращение к традиционным нормам. По крайней мере, в XIX в. этнографы отмечают, что у тувинцев «хищение скота не считается преступлением», и даже кража, совершенная при отягчающих обстоятельствах, наказывается не смертью, а увечьем конечностей (Яковлев 1900: 99). Разумеется, законы Уложения китайской палаты внешних сношений, по которым тувинское население жило в XVIII — начале XX вв., требовали разбирательства скотокрадства в суде в Улиасте. Но это происходило только, если было украдено более 20 голов скота. Такое преступление каралось многолетним тюремным заключением (Турчанинов 2009: 101; Катанов 2011: 247). Правда, за групповое хищение следовали более серьезные наказания: при краже от 10 до 20 голов казнили главаря отряда скотокрадов, а от 20 до 30 голов — весь отряд (Яндай-оол 2009: 65–67).

⁵ Показательна детская игра калмыков, отражающая разговор скотокрадов. Пальцы, сжатые в кулак, поочередно разгибаются. Одновременно произносятся определенные фразы: «Большой палец — *Хулха кая* (Совершим воровство), Указательный — *Мал авч ирхи* (Пойдем скот воровать), Средний — *Хааһас авч ирхи* (Когда начнем), Безымянный — *Эн хархла* (Когда хозяин выйдет), Мизинец — *Андһар таяв һария* (Только перед выходом произнесем клятву)» (Басангова 2013).

Перечисленные кары не могли остановить набегов кайгалов. Тем более симпатии большинства тувинского населения были на их стороне. В то время скотокрады воспринимались исключительно как положительные герои. По свидетельству А. М. Африканова, особым почетом окружались те кайгалы, которые, будучи пойманными и подвергшимися пыткам, не сознавались и никого не выдавали. Их как высоких дорогих гостей всегда усаживали в юрте на почетное место (Африканов 2007: 115). Правда, нельзя не отметить, что у сложившегося романтического образа был и негативный оттенок. Порой за удачным походом следовала ответная реакция обиженных соседей. Тогда вспыхнувшие межплеменные конфликты приходилось разрешать всем соплеменникам кайгалов. И это, несомненно, создавало эмоциональное напряжение.

Более того, сами скотокрады провоцировали возникновение неприязненного отношения к ним. Поводом служили их негласные союзы с богатыми сородичами. Тувинские богачи нередко нанимали кайгалов, указывая им очередные жертвы и наживаясь на перепродаже угнанного скота (Дулов 1956: 287–288; Курбатский 2001: 247, 250; Катанов 2007: 543). Такие соглашения приобрели политическую окраску в период переселения русских в Туву. В то время тувинская верхушка перераспределяла набеги кайгалов на мигрантов с целью принуждения их к возвращению на родину (Африканов 2007: 115–116; Василенко 2013).

Образ бескорыстных удалыцов-скотокрадов легко можно было использовать и в идеологических кампаниях, что произошло в период революционных преобразований. Особенно наглядно это продемонстрировала советская оценка трагических событий 1883–1885 гг.

В начале 1880-х гг. участились набеги кайгалов в Западную Монголию, причем в организации походов участвовали некоторые тувинские чиновники. Монгольские князья неоднократно обращались с жалобами на скотокрадов к китайским властям, но те перепоручали расследование краж тувинским правителям, и набеги продолжались. Переломным моментом стал угон кайгалами 100 лошадей и похищение, а затем убийство дочери дербетского хана. Кайгалам было предложено явиться на суд для ответа за свои действия. Справедливо опасаясь ареста и наказания, они бежали в местность Оргу-шоль и на горе Кара-Даг организовали лагерь. Туда стали стекаться недовольные и обиженные властями простые общинники. Со временем собрался отряд, превысивший 200 человек. Мятежники активизировали свои нападения, уводя скот у тувинских богачей и русских купцов, подвергая избиениям представителей администрации. В ближайшем будущем кайгалы предполагали уничтожить наиболее ненавистных чиновников и захватить власть в Западной Туве, а в случае неудачи — уйти на Алтай или в Хакасию. Верховный правитель Тувы амбын-нойон Олзей-Очур, организовав карательную экспедицию, разгромил мятежный отряд. Захваченные в плен кайгалы были подвергнуты пыткам и обезглавлены. В народе это выступление было названо «Алдан Дургун» — «60 беглецов» (Дулов 1956: 287–302; История Тувы 2001: 299–304).

С приходом советской власти трактовка мятежа приобрела революционную окраску. Непокорные скотокрады стали описываться как борцы с классовой несправедливостью и маньчжурским колониальным режимом и получили наименование «Алдан Маадыр» — «60 богатырей/героев». С целью увековечивания памяти мятежных кайгалов так же назвали поселок в Сут-Хольском кожууне и Национальный музей. На тему тех событий были написаны стихи, роман, повести, пьесы, симфоническая поэма, снят кинофильм, созданы скульптурные и живописные произведения.

С середины XX в. отношение тувинцев к скотокрадам стало меняться. В немалой степени этому способствовали глубинные трансформации, произошедшие в традиционной тувинской культуре. Значительную роль сыграло и резко отрицательное отношение советских властей к любым кражам. С точки зрения официальных органов похитители скота были обычными уголовными

преступниками. И это имело основание, так как поменялась цель набегов. Теперь они совершались для обогащения.

Образ кайгала начал утрачивать характерные черты. Традиционно удалец-скотокрад воспринимался как всадник. Он был неотделим от своего коня. В новых же условиях, как пишет А. К. Кужугет, «начиная с 30-х гг. лошадь была практически запрещена для разведения в личных целях. В советское время на коне нельзя было проскакать по селу — это расценивалось как идеализация феодального прошлого или, еще хуже, как вызов новому социалистическому строю. Молодых наездников, стремившихся показать свою удаль девушкам и умение красиво держаться в седле, часто привлекали к суду за мелкое хулиганство» (Кужугет 2015: 446).

Метаморфозы образа скотокрада особенно выпукло проявились в 1990-х гг. Произошедший распад СССР, разрыв экономических связей и наступивший кризис привели к обнищанию тувинского населения. Это спровоцировало резкое увеличение числа угонов скота (Даржа 2001: 9–21; Хоозураан Тыва 2002: 26; Владимиров 2012). Одной из причин стало то, что воровство оказалось наиболее простым, а иногда единственным способом прокормить себя и свою семью. Тогда же изменилась территория набегов: кайгалы начали чаще угонять тувинские стада и табуны. При этом похищенный скот обычно не перепродавался, а забивался на мясо (Кисель 2005: 149; Оюн 2009; В Туве... 2013; Разбойники-рецидивисты... 2014). Нападения приняли вид грабежа или разбоя. Иногда набеги заканчивались убийствами (Тувинские скотокрады... 2003). Кроме того, кайгалы утратили большинство старинных навыков. Произошла окончательная утрата внутреннего содержания традиции угона. Следует согласиться с мнением, высказанным в научной литературе: «В настоящее время институт кайгалов прекратил свое существование» (Мышлявцев 2002: 15).

Произошедшие перемены не могли не разрушить образа кайгала. Теперь он начал ассоциироваться с простым вором — *ооржу кижжи*. Само слово *кайгал* стало обозначать не дерзкого храбреца, занимающегося набегами от избытка сил и энергии, а только скотокрада. И хотя у части тувинской молодежи еще популярны восхищенные рассказы о ловкости и бесстрашии кайгалов, это связано с обычной романтизацией уголовной среды. В целом же у населения Тувы утвердилось негативное восприятие похитителей скота, причем четко осознается отличие современных скотокрадов от кайгалов прошлых времен.

Можно утверждать, что образ кайгала в тувинской культуре претерпел важные изменения. Сложившись в виде романтического персонажа — защитника бедноты, в процессе революционных преобразований он превратился в борца с феодальным строем и маньчжурскими завоевателями, а затем постепенно деградировал в вора, специализирующегося на краже скота.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974.
- Африканов А. М. Русская торговля в Урянхайской земле // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. М., 2007. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхия к Танну-Туве. С. 94–117.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 2013.
- Басангова Т. Г. Считалки в детском фольклоре калмыков // Новые исследования Тувы. 2013. № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_17/5973-basangova.html (дата обращения: 28.02.2013).

Бондарев А. Я. Особенности выпаса лошадей как фактор, предопределяющий их наибольшую среди домашних животных уязвимость от хищных зверей в Алтае-Саянской горной провинции // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 125–128.

Ботяков Ю. М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX века). СПб., 2002.

Ботяков Ю. М. Абреки на Кавказе: социальный аспект явления. СПб., 2004.

Бравина Р. И. Богатство в традиционной системе ценностей якутов // Богатство и престиж в традиционной культуре: материалы XIII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2014. С. 113–116.

Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. «Уча» — обычай престижного распределения добычи у саянских тюрков // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. Абакан, 2005. С. 42–46.

Василенко В. А. Пограничный комиссар в Туве в 1913 году: назначение, проблемы, противостояние // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_20/6719-vasilenko.html (дата обращения: 19.12.2013).

Владимиров Д. Ковбойский бизнес. Специальный репортаж. URL: <http://www.tostos.ru/Kovboyskiy-biznes-SPECIALjNYiY-REPORTAZh.html> (дата обращения: 03.05.2012).

В Туве в ходе операции «Скотокрад» реализуемое мясо проверили на легальность // Сетевое информационное агентство «Тува-онлайн». 9 апреля 2013 г. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2013/04/09/v-tuve-v-hode-operacii-skotokrad-realizuemoe-myaso-proverili-na-legalnost.html> (дата обращения: 09.04.2013).

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговая и колонизаторская в них деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. Л., 1930. Т. 3. Вып. 2.

Даржа В. К. Самозащита по закону. Пособие для арата. М., 2001.

Даржа В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл, 2009.

Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XI — начало XX в.). М., 1956.

История Тувы: в 2 т. Новосибирск, 2001. Т. 1.

Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.

Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Тове, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. Кызыл, 2007. Т. 1: Древние племена Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии (II тыс. до н. э. — конец XIX в.). С. 494–583.

Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1899 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества. Кызыл, 2011.

Кисель В. А. Тува в современном мире (взгляд стороннего наблюдателя) // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005. С. 144–151.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. М., 1936.

Кужугет А. К. Трансформация образа коня и всадника в тувинском искусстве в XX — начале XXI века // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир: материалы международного конф. Кызыл, 2015. С. 445–449.

Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл, 2001.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.

Мышлявцев Б. А. Похититель скота и социальная гармония. Некоторые аспекты отношений собственности у тувинцев Западной Тувы // Сибирский этнографический вестник. 2001. № 5 (6). URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/sibirica/Data/?html=bam2.htm&mi=25&id=1123> (дата обращения: 19.10.2016).

Мышлявцев Б. А. Современная Тува: нормативная культура (конец XX — начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

Оюн Л. Отрезать скотокрадам руки? Реально ли всем миром одолеть главное преступление Тувы — скотокрадство // Газета «Центр Азии». 2009. № 5. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2009/5/2444-otrezat-skotokradam-ruki-realno-li-vsem.html> (дата обращения: 10.02.2009).

Попова Л. Ф. Эволюция представлений о содержании и назначении богатства в традиционном казахском обществе (XIX — начало XX в.) // Богатство и престиж в традиционной культуре: материалы XIII Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2014. С. 155–161.

Потапов Л. П. Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб., 2001.

Путешествия по Туркестану Н. А. Северцова и А. П. Федченки. Изложено по подлинным сочинениям путешественников М. А. Лялиной. СПб., 1894.

Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989.

Разбойники-рецидивисты, укравшие стадо, задержаны в Туве // Сетевое информационное агентство «Тува-онлайн». 15 января 2014 г. URL: <http://www.tuvaonline.ru/2014/01/15/razboyniki-recidivisty-ukravshie-stado-skota-zaderzhany-v-tuve.html> (дата обращения: 16.01.2014).

Скифы: хрестоматия. М., 1992.

Стукалин Ю. В. Энциклопедия военного искусства индейцев Дикого Запада. М., 2008.

Тувинские скотокрады, убившие алтайского пастуха, пойманы и предстанут перед судом // ИА Банкфакс. 04.06.2003. URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=20787> (дата обращения: 03.05.2012).

Турчанинов А. А. Урянхайский край в 1915 г. Кызыл, 2009.

Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб., 2008.

Хедин С. В сердце Азии. Памир — Тибет — Восточный Туркестан. Путешествие в 1893–1897 годах. М., 2010.

Хоозураан Тыва. Саннар, барымдаалар. Кызыл, 2002. (на тув. яз.).

Яндай-оол Т. В. Организация судебной власти в Туве во времена правления Маньчжурской династии // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 6 (36). С. 62–69.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Описание Минусинского музея. Минусинск, 1900. Вып. 4. С. 1–122.

THE IMAGE OF *KAIGAL* IN TUVAN CULTURE (EMOTIONAL PERCEPTION AND POLITICAL SITUATION)

A B S T R A C T. Stealing cattle is a typical male occupation in the traditional culture of Tuva. Such thieves were called *kaigal* or daredevils. Researchers of Tuva of the end of 18th — the beginning of the 20th century repeatedly noted rare ability and professional skills of kaygals. Kaigals worked at own risk, without informing either heads of clans, or elders. Their attacks were made on neighboring peoples, unfriendly Tuva tribal groups and also on the tribespeople allocated with exclusive wealth. The cattle thieves seldom resorted to open aggression with the human victims. Activities of *kaigal* can not be mixed with regular theft — *oorlaashkyn*, or with revenge theft — *tutkuush*. *Oorlaashkyn* pursued economic targets, and *tutkuush* regulated social and ethnic conflicts. The main aspiration of *kaigal* was to strengthen his personal authority. For this reason they usually distributed the stolen cattle among the poor tribespeople. For the majority of Tuvinians stealing cattle was not associated with theft, but was perceived as a redistribution of property. The image of *kaigal* developed in the form of a romantic character, the defender of the poor. Later in the course of revolutionary changes it developed into the image of a fighter against the feudal system and the Manchurian conquerors. Over time the purpose of campaigns of Tuvinians behind the cattle exchanged. They began to be made for enrichment. And nowadays *kaigal* is associated with a thief who specializes in the theft of livestock.

KEYWORDS: Tuva, Tuvan culture, rustlers, image of *kaygal*

VLADIMIR A. KISEL — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: kisel@kunstkamera.ru